

УДК 81'28:821.161.1:908

Лингвоимагологический анализ видения А.С. Пушкиным иноземных народов и стран

Иванова Л.П.
НПУ имени М.П. Драгоманова

Личность и творчество А.С. Пушкина на протяжении многих лет привлекают внимание ученых. С позиций лингвоимагологии интересна проблема: как, не побывав за пределами России, великому поэту удалось создать глубокие и блестящие по форме характеристики других народов и стран. В статье описывается видение А.С. Пушкиным греков, цыган, Англии и англичан, французского народа и его языка, итальянского языка, Швейцарии, мавров, США и американских индейцев. Анализируется использование поэтом различных языковых средств, прежде всего варваризмов. Эрудиция, образованность, умение анализировать разнообразные факты, наконец, природная гениальность позволили А.С. Пушкину предстать перед благодарными читателями блестящим художником слова, ученым, публицистом, а главное — добрым сердечным человеком, умеющим сочувствовать и сопереживать даже очень далеким народам.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, лингвоимагология, оценка, варваризм, лакуна, Англия, Франция, США.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 85–91)

Lingvoimagological analysis of A.S. Pushkin's vision of foreign peoples and countries

Ivanova L.P.
NPU named after M.P. Dragomanov

For many years the personality and creative power of A.S. Pushkin has attracted the attention of scientists. In terms of linguoimagology many a researcher has tried to understand how, without leaving Russia, the great poet managed to create characteristics of other peoples and countries which are so deep and brilliant in form. The article attempts to show how A.S. Pushkin visualized Greeks, Gypsies, England and the English, the French and their language, the Italian language, Switzerland, the Moors, the United States and the American Indians. The article also analyses the poet's use of various language means, especially barbarisms. His erudition, education, ability to analyze various facts, and his genius, make A.S. Pushkin in the eyes of a grateful reader a brilliant word artist, scientist, publicist, and most importantly, a kind-hearted person, able to sympathize and empathize with all people, even with those who lived in distant countries.

Key words: A.S. Pushkin, linguoimagology, evaluation, barbarism, lacuna, England, France, the USA.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 85–91)

Личность, творчество, мысли и суждения великого А.С. Пушкина на протяжении многих лет привлекают внимание представителей разных стран. Разрабатывая проблемы лингвоимагологии, мы также многократно обращались к его художественным текстам литературоведческим трудам, описывая Англию и англичан [1], пути развития французской литературы [2], представленность европейской литературы и культуры на когнитивном уровне языковой личности автора «Евгения Онегина» [3].

Однако в процессе размышлений нас не покидала мысль о том, что А.С. Пушкин по политическим причинам никогда пределы России не покидал, лишь однажды с русскими войсками он

дошел до турецкого Эрзрума и с ними же вернулся, оставив блестящие по глубине и форме суждения о Кавказе и его жителях [4; 5]. Возникает вопрос: почему оценки и видение других стран и народов так точны, что даже в наши дни не утрачивают актуальности? Что сказалось — природная прозорливость «светлого гения», информированность, базирующаяся на блестящей эрудиции?

Некоторым образом освещает последнее положение — составленный Б.Л. Модзелевским каталог и подробное описание пушкинской библиотеки.

«В двадцати двух разделах каталога значилось 3560 томов — 1522 названия, из которых 529 на русском языке и 993 на четырнадцати иностранных языках.

Из общего количества названий 663 охватывает изыскную словесность...

Большое место занимают: историческая литература – 3777 названий; география – 42; путешествия – 58; современные описания государств – 17... [6; 16].

Итак, проблема обсуждения в данной статье: что обусловило точную и справедливую оценку А.С. Пушкиным других народов и стран, в которых он никогда не бывал. Думается, и сам поэт задумывался над этим вопросом: «Россия по своему положению, географическому, политическому есть судилище, приказ Европы... Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, – удивительны» [7, с. 237].

А.С. Пушкин подчеркивает своеобразие и неповторимость каждого народа. Интересен перечень факторов, обеспечивающих его оригинальность, среди которых на первом месте климат: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [7, с. 268].

Все перечисленные факторы, создающие народу «особенную физиономию», проявляются в такой категории, как народность, воплощающаяся прежде всего в писателях: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком» [7, с. 267]. Подчеркнем, что для А.С. Пушкина народность – совсем не то же самое, что активно изучается и толкуется нашими современными литературоведами. Для поэта народность – это, скорее, национальное мировоззрение, что подтверждается в продолжении приводимой цитаты: «Ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит, однако ж, печать народности» [7, с. 267].

Специалисты по межкультурной коммуникации подчеркивают, что всякий человек видит и оценивает другой народ сквозь призму своей культуры и обычаев. Так, А.С. Пушкин пишет о русских крестьянах: «Нет человека, который бы не имел своего *собственного* [выд. автором] жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* [выд. автором] избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день» [7, с. 395–396].

Однако есть универсальные черты, которые должны быть присущи любому народу и каждому

его представителю: прежде всего, уважение к своей истории, это даже межа, разделяющая, по мнению А.С. Пушкина, образованность и «дикость»: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости, кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» [7, с. 367].

Поэт ценит внимание французов и англичан к своей истории, пренебрежение корнями отдельными соотечественниками вызывает гневное возмущение автора: «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим [Насколько современная и актуальная для нас мысль! – Л.И.]. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества» [7, с. 337].

Опираясь на пассаж относительно калмыков, можно было бы обвинить автора в проявлениях ксенофобии, но русским, судя по последней цитате, достается от А.С. Пушкина не меньше.

В продолжение темы о корнях поэт пишет о греках. Известно, что во время пребывания А.С. Пушкина в Одессе горожане были воодушевлены поддержкой греков в их справедливой войне за свободу. Такое настроение было характерно для многих благородных образованных людей, одним из которых был так любимый А.С. Пушкиным великий английский поэт Д.Г. Байрон, погибший за свободу Греции в Мисалонгах.

О греках русский поэт писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило, – говорит Карамзин, – ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения» [7, с. 20].

Обратим внимание на блестящую форму оценки греков. Оба предложения начинаются (сильная позиция) с ключевого положения: «гордиться славою своих предков» и «греки в самом своем унижении». Создаются контекстуальные антонимы: «слава предков» – «малодушие», «унижение» – «освобождение». Подчеркнем, что уважение к истории своего народа автор постоянно связывает с образованностью. На данный факт, думается, следует обратить внимание и нашим современникам.

Если сведения о греках были А.С. Пушкиным почерпнуты прежде всего из художественной и научной литературы, а также средств массовой информации, то цыган он наблюдал во время

ссылки в Кишинев: «Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют...» Быт, нравы, характеры этого народа настолько увлекли русского поэта, что он создает бессмертную поэму «Цыгане», в примечаниях к которой объективно и нелестно характеризует указанный этнос: «... цыгане принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых пария [выд. автором]. Язык и то, что можно назвать их верою, даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг — они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками» [7, с. 259–260].

Первое предложение микротекста как будто выписка из научной статьи или справочника. Второе предложение в равной степени принадлежит научному и публицистическому стилю, третье — эмоциональная публицистика. Точная экспрессивная характеристика «дикая вольность» (вспомним противопоставление концептов «свобода» и «воля» у Ю.Д. Апресяна), причем эта вольность «обеспечена бедностью» — установлены причинно-следственные отношения. А.С. Пушкин не одобряет «праздной жизни» бродяг-цыган, о чем свидетельствуют приведенные определения. Подчеркнем, что в русском менталитете праздность всегда осуждается. То же касается бродяг. В словаре В.И. Даля читаем: «Бродяга ...бѣглый шатунъ, скиталецъ, кто произвольно, безъ права и писменного вида, покинуть мѣсто» осѣдлости, жительства, службы, скитаясь по чужбинѣ» [8, с. 129]. Думается, в данном случае в сознании А.С. Пушкина прежде всего активизируется внутренняя форма слова бродить, к которому восходит бродяга: «Бродить... ходить по разным направлениямъ, отыскивая что или безъ цѣли; шататься, слоняться...» [8, с. 128]. В последней части микротекста конкретизируется содержание «праздной жизни» отдельно для мужчин и для женщин.

Чтобы продемонстрировать повсеместность пребывания цыган, поэт указывает Россию и Англию, то есть в его сознании это два полюса, думается, отнюдь не географические.

Англия на протяжении многих лет привлекала внимание А.С. Пушкина: он обращается к ней в поэзии, в частности в «Евгении Онегине», и в критических заметках, на которых остановимся в данной статье.

А.С. Пушкин — литературный критик делает совершенно неожиданное для многих наших современников наблюдение: «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное про-

исшествие подает повод к сатирической картине; всякое сочинение, озаглавленное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, — отвечал он смеясь. — Я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» [7, с. 61–62].

Об английском юморе много написано, подчеркнем, и мы на это неоднократно указывали в статьях, что он далеко не всегда соответствует нашей ментальности.

С другой стороны, А.С. Пушкин с глубоким сочувствием описывает положение рабочих, попавших под жернова английского капитализма: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч 5 или 6 народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию» [7, с. 395].

Автор в начале микротекста указывает на источник информации («прочтите») — газета или журнал, но не собственное наблюдение. Негодование русского поэта передается за счет самых разнообразных языковых средств: фразеологизм «волосы встанут дыбом», две подряд восклицательные конструкции с эмоциональными эпитетами (отвратительные, непонятные, страшные, холодное) к соответствующим номинациям (истязания, мучения, варварство, бедность). Воплощением беспросветного подневольного труда в сознании А.С. Пушкина является постройка пирамид в Египте, параллель с которой автор и проводит.

Однако возникает противопоставление: «Совсем нет»: это «нет» раскрывается в отрицательных выражениях («не злоупотребления», «не преступления»). Обычность, привычность и даже соответствие нормам английской жизни того времени проявляется, во-первых, в номинациях английского традиционного товара — сукна, иголки (вспомним «торгует Лондон щепетильный»), во-вторых, в типичных английских фамилиях владельцев фабрик — Смит и Джаксон.

Вводное слово «кажется», начинающее последнее предложение микротекста, указывает

на неоднозначность оценки положения английских рабочих: с одной стороны, «нет в мире несчастнее» их, а с другой изобретение – машины, «избавляющей вдруг от каторжной работы» (отрицательная оценка очевидна), но «лишающая последнего средства к пропитанию».

Таким образом, А.С. Пушкин предстает как страстный публицист и добрый сострадательный человек.

Восхищение А.С. Пушкина вызывают английские аристократы, причем предмет восторга – демократичность в указанных поэтом проявлениях для нас по меньшей мере странен: «Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухонных пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость» [7, с. 308].

Крайняя степень эмоциональности проявляется в первой же части синтаксической конструкции, начинающейся «что за» и завершающейся восклицательным знаком. «Аристократическая гордость» на фоне грязи явно содержит ироническую коннотацию. Высоко оценивает А.С. Пушкин постоянную готовность английского лорда («высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц, а также лицо, носящее этот титул» [9, с. 445]) к поединку – стреляться или боксовать (у А.С. Пушкина несовременная форма «боксовать»), лишь бы вызов был джентельменски учтив [«... англ. gentleman – благородный + man – человек»]1. В Великобритании: вполне корректный человек, строго соблюдающий правила и нормы поведения, принятые в обществе» [9, с. 249]. Обратим внимание на форму написания – латиница, значит, во времена А.С. Пушкина освоение только начиналось: и слово, и понятие были в русском быту XIX в. варваризмами. Второй противник лорда после уличного шалуна – извозчик, автор снова подчеркивает социальное неравенство боксеров. Завершает микротекст классическое оценочное предложение: «Это настоящая храбрость». Таким образом, восхищение автора бесспорно: от аристократической гордости к настоящей храбрости.

Обратимся к Франции. А.С. Пушкин подчеркнул разные стороны французского народа: «Некто справедливо заметил, что простодушные (naivete, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа» [7, с. 15]. «Всем известно, что французский народ самый антипоэтический» [7, с. 375], «... сего остроумного и положительно-го народа» [7, с. 375]. Таким образом, оценка скорее положительная, хотя в современном русском

языке «наивный» и «простодушный» несколько разошлись в значениях. Если мы обратимся к работам по этнопсихологии, тот указанные оценки найдут подтверждение.

Французский язык поэтом олицетворяется, у него четко прослеживается человеческий характер: «... язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным» [7, с. 232–233].

Три параллельные синтаксические конструкции создают в сознании читателя четкий образ французского языка, берегущего свою целостность и традиции.

Но русский поэт готов и поиронизировать относительно французской грамматики, обратившись к современной для нас проблеме гендерного равенства: «Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужской род благороднейшим» [7, с. 17]. Обратим внимание на олицетворение грамматики. Это чрезвычайно редкое явление, оно встречается в методической литературе для детей уже в наши дни.

Итальянский язык А.С. Пушкин наделяет восторженными эпитетами; «... роскошным языком, исполненным блеска и contetti [блестящих оборотов мысли]» [13, с. 30]. Опять отметим варваризм, но уже итальянский. Данные факты свидетельствуют о том, что А.С. Пушкин читал в подлиннике и английскую, и французскую, и итальянскую литературу, заполняя варваризмами существующие в XIX веке лакуны. Время показало правильность и актуальность нововведений поэта: большинство указанных слов вошли в современный русский язык, подвергнувшись графическому, фонетическому, семантическому и грамматическому освоению.

Интересны краткие по выражению, но глубокие, по содержанию характеристики отдельных стран. Так, о Швейцарии А.С. Пушкин писал: «Покровительство маленькой мещанской республики не слишком его [Вольтера – Л.И.] ободряло» [7, с. 144].

Если с «маленькой республикой» все понятно, то характеристика «мещанская» вызывает вопросы. Так, у В.И. Даля читаем: «Мѣщанинъ.. горожанинъ низшаго разряда, состоящій въ подушномъ окладѣ и подлежащій солдатству; къ числу мѣщанъ принадлежать также ремесленники, незаписанные въ купечество... мѣщанскій, имѣть свойствн., къ нимѣ относщс. Мѣщанство ср. состоянье мѣщанина; сословье мѣщанъ» [10, с. 373].

Значение, придаваемое А.С. Пушкиным указанному определению, явно не соответствует современному поэту значению. Обратимся поэтому к этимологическим словарям XX века. Г.П. Цыганенко пишет: «Мещанин – лицо мещан-

ского сословия», «обыватель». Заимствовано из польск. языка. В русских памятниках отмечается с XIV в. Польск. *mieszczanin* значит «горожанин» и «буржуа». Это слово образовано с помощью суф. *-anin* для обозначения лиц по месту жительства от сущ.* *miestce* «место». Польск. *mieszczanin* является калькой нем. *Bürger* – по этимологии «житель города». Со II пол. XIX в., когда с развитием капитализма в России буржуазия из мещанства выделилась в особый класс общества, слово мещанин стало обозначать городских жителей низшего сословия, откуда дальнейшее – «обыватель, человек с узким идейным и общественным кругозором, мелкособственническими интересами» [11, с. 264].

Судя по контексту, в сознании А.С. Пушкина формировалось значение слова «мещанский», утвердившееся только во II половине XIX века.

Вместе с А.С. Пушкиным выйдем за пределы Европы и обратимся к Востоку. Подчеркнем, что русский поэт имел сложившееся впечатление о жизни этой части света («Восток ленивый почивает»), был знаком с персидской литературой, даже пытался что-то из нее переводить: «Иных уж нет, а те далече, – Как Сади некогда сказал». Меня до глубины души тронуло, когда иранские филологи-русисты на могиле Саади цитировали эту строку А.С. Пушкина.

Мавры не персы, они жили и на территории современной Испании, однако мусульманство определило их культуру и мировоззрение, что дает нам основание отнести их к Востоку.

Итак, А.С. Пушкин подчеркивает: «Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы. Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока» [7, с. 265]. В данном высказывании автор выступает, с одной стороны, как знаток восточной литературы, что свойственно ученому-литературоведу, но особенности мавританской литературы облечены в такую яркую художественную форму, что поэтическая гениальность автора очевидна.

Особенный интерес вызывают наблюдения и выводы А.С. Пушкина о США – стране, далекой и сейчас, а в его времена – абсолютно экзотической.

В основу размышлений положена книга, изданная в Америке конечно же на английском языке: «В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проводшего 30 лет в пустынях Северной Америки, между дикими его обитателями» [7, с. 166]. Обратим внимание в этой только лишь констатирующей фразе на характеристику «дикие», к которой мы еще вернемся.

Внимательно вчитываясь в текст «Записок», А.С. Пушкин четко и однозначно характеризует их автора: «Джон Теннер ... иногда выдает себя

за человека, не доступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удается ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его» [7, с. 181].

Известно, что человек прежде всего обращает внимание на то, что не присуще ему, «чужое». Такое внимание автора к суевериям Д. Теннера характеризует поэта как человека, полностью их лишенного, однако современники приводят факт с перебежавшим А.С. Пушкину дорогу зайцем, после чего поэт вернулся восвояси. Приведенная цитата ставит указанный факт под сомнение, однако утверждать что-либо однозначно не представляется возможным.

Обратим внимание на неустоявшуюся форму написания этнической номинации коренных жителей Северной Америки: индийцы (как в данном тексте) – индейцы. Известно, что утвердилась последняя, поскольку по нормам русского словообразования индийцы связаны с Индией.

Последнее приводимое нами высказывание о Д. Теннере: «... Есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим *yankee*». И авторское примечание: «Прозвище, данное американцам; смысл его нам не неизвестен» [7, с. 191].

Снова А.С. Пушкин использует варваризм, который, освоившись графически и фонетически (не грамматически!), вошел в современный русский язык.

С опорой на «Заметки» Д. Теннера поэт нелицеприятно характеризует «диких американцев». Опять появляется эпитет «дикие», на который мы обращали внимание ранее. Думается, это собственное видение А.С. Пушкина, потому что прожить с ними 30 лет, перенять даже их предрассудки, а потом так характеризовать, невозможно: «Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость – главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением, но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть» [7, с. 177]. «Храбрость почитается между индейцами главной человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца» [7, с. 177].

Характеристика четкая и однозначная, что подтверждается даже синтаксически: перечисление в виде однородных членов предложения (в препозиции «легкомысленность») негативных черт и их обобщение-обобщающее слово «поро-

ки». Во всех следующих предложениях в инициальной позиции опять стоит главное для автора понятие – «убийство», «храбрость», то же касается слова «трус», начинающего вторую часть бессоюзного сложного предложения. В период покорения местных племен обсуждалась проблема: есть ли у индейцев душа. А.С. Пушкин явно о ней знал и высказывался однозначно, хотя слово и выпадает из общего стилистического ряда, – душегубец, внутренняя форма абсолютно прозрачна: «тот, кто погубил душу».

О США А.С. Пушкин судит, конечно же, не столько с опорой на «Записки» Д.Теннера, сколько по информации в газетах и журналах, обобщая и осмысливая ее. Взгляд великого русского поэта удивительно современен, прошедшее почти 200 лет подтвердили его правоту.

Итак, «... Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимыми эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подoboстрaстие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostraкизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» [7, с. 165].

Микротекст четко распадается на несколько микротем. Первая – абсолютно современная положительная характеристика США – «гордая», «безопасная», «цветущая», в большой мере это обусловлено географическим положением. Все войны, сотрясавшие Европу и мир, обошли Америку стороной, не разрушив ни один дом, ни одно предприятие.

Следующая микротема открывается противительным союзом «но», завершается глаголом-

сказуемым в сильной финальной позиции – поколебалось.

Последняя микротема – гневная характеристика американского варианта демократии того времени: «отвратительный цинизм», «нестерпимое тиранство». Главный порок автор видит в «неумолимом эгоизме» и «страсти к довольству» (comfort – отметим еще один варваризм А.С. Пушкина, прочно вошедший в русский язык и нашу жизнь). Сложная синтаксическая конструкция оформлена при помощи бессоюзной связи, отдельные части разделяются точкой с запятой, создается впечатление взволнованной речи, в которой аргументы добавляются и нанизываются. Классический период завершается двоеточием и общим итогом: «...такова картина Американских Штатов...».

Пороки американского общества распространились и на коренное население: «Отношение Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негнoдованием; так или иначе, через меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» [7, с. 165–166].

А.С. Пушкин осуждает формы цивилизационного процесса, объединенные в тексте попарно: «меч и огонь» (традиционная формула завоевательской войны, хотя мечей в ту пору давно уже не было), «ром и ябеда». О роли алкоголя в войне с индейцами писали много, слово «ябеда» во времена А.С. Пушкина имело следующее значение: «клевета, напраслина, извѣтъ, наговоръ; // приказная придирка» [12, с. 671]. Следовательно, суды и закон были не на стороне индейцев.

Русский поэт всей душой болеет за индейцев, он опасается за их судьбу (остатки... скоро совершенно истребятся). Завершает микротекст «флаг американский» четкая метонимия и сильная позиция определения.

Итак, цивилизация многое отняла, а дала, как утверждает автор, следующее: «Американские индейцы [здесь уже индейцы – Л.И.] все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных земель, подарила им порох

и свинец: тем и ограничилось ее благотворное влияние» [13, с. 172].

Итак, была облегчена охота: «искусный стрелок почитается между ними за величайшего человека» [13, с. 172]. Обратимся к внутренней форме «благотворный» – «делать благо». В случае с американскими индейцами делать благо при помощи цивилизации не получилось.

Подводя итоги, подчеркнем, что, оказываясь, точно характеризуя народ и страну, совсем не обязательно там побывать. Эрудиция, образованность, умение анализировать разнородные факты, наконец природная гениальность позволили А.С. Пушкину предстать перед благодарными читателями (тексты великого русского поэта – неисчерпаемый клад для лингвоиманологии) блестящим художником слова, ученым, публицистом, а главное – добрым сердечным человеком, умеющим сочувствовать и сопереживать даже очень далеким народам.

Литература

1. Иванова Л.П. Представленность английской культуры в русской литературе XIX в. // Вісник Житомирського університету ім. І. Франка. – Вип. 17, 2004. – С. 63–65.
2. Иванова Л.П. Французская литература и литераторы в восприятии русских писателей XIX в. // Науковий часопис. Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Сер. 9. Сучасні тенденції розвитку мов: збірник наукових праць. – Київ, Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2017, Вип. 15. – С. 75–88.
3. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа в стихах «Евгений Онегин»): учеб. пособие к спецкурсу. – 2-е изд. доп. – К.: Освіта України, 2006. – 140 с.
4. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX–XX столетий. – Л.: Издательский Дом Дмитрия Бурдо, 2004. – С. 10–24.
5. Иванова Л.П. Народы юга России глазами А.С. Пушкина – путешественника. Крымский публицистический научный сборник. Вып. 5 (14): Литература и русская глубина. – Симферополь: Крымский архив, 2005. – С. 22–30.
6. Гессен А.И. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. – М.: Наука, 1965. – 509 с.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. VI. Критика и публицистика. – Государственное изд-во художественной литературы. – М., 1962. – 586 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1981. – т. 1. А–З. – 699 с.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. Эксмо: 2007. – 941 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1981. – т. 2. И–О. – 779 с.
11. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К. «Радянська школа»: 1970. – 599 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1980. – Т. 2. Р–В. – 683 с.
13. Иванова Л.П. Культурное освоение Кавказа в русском языковом сознании XIX–XX веков // Русский язык за рубежом, 2004. № 1 – С. 81–88.
14. Иванова Л.П. Франция и французы в восприятии русских писателей // Система и структура схинослов'янських мов: зб. наук. праць. Київ: Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2005, Вип. 9. – С. 190–197.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.